Светлана

ДЕМИДОВА

Любовь по договоренности

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Светлана Демидова
Любовь по договоренности

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633585
Любовь по договоренности: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50056-7

Аннотация

Садясь в маршрутку, автор книг любовного жанра Анастасия Кузнецова и не предполагала, что вскоре ей самой придется стать героиней собственного романа. Случайная встреча с загадочным мужчиной оказывается не случайной. Анастасии нужен сюжет, но и у ее партнера, похоже, есть свои корыстные мотивы. Условия заданы, можно садиться в партер и наблюдать. Что принесет любовь, построенная на договоренности, и можно ли ей вообще верить?..

Содержание

Глава 1 50
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Светлана Демидова
Любовь по договоренности

Посвящается Кате…

Писателем быть плохо. Потому что надо постоянно писать. Даже тогда, когда совершенно не хочется. И еще тогда, когда ничего не хочется вообще. В принципе. Могут спросить: «Кто тебя заставляет?» Да никто! Даже редактор моего издательства не в силах заставить меня писать. Она лишь может сказать: «Ну вот как работать с автором, у которого проблемы с вдохновением?» Что надо понимать так: «Стоит мне только свистнуть, и набегут новые авторы, у которых с этим делом все в порядке! Свято место пусто не бывает!» И еще! Как говаривал отец народов: «Нэзамэнимых людэй у нас нэт!» В общем, у современных писателей не может быть проблем с вдохновением. Потому что они должны писать не в состоянии вдохновения, а на постоянной основе. Это ж у них работа такая! Например, инженер или учитель, или даже продавец моющих средств – они ведь не ждут вдохновения, а идут и работают каждый день от звонка до звонка. Вот и писатель должен… Впрочем, не писатель, а, как я помянула выше, – автор. Это раньше были писатели, штучный товар… Толстой, например, или Достоевский… Теперь авторы… Нет, писатели тоже, конечно, есть, но они где? Они за-

няты номинированием на Букера или еще какую-нибудь престижную премию. А пока писатели заняты, народу ж надо что-то читать. И вот тут выплывают авторы! То есть мы! Когорта! Пятая колонна! А что? Вдруг мы когда и ударим с тыла? Некоторые наши романчики вполне можно считать диверсией в стане великой отечественной литературы. Шпионажем мы, конечно, не занимаемся, ибо некогда: пять-шесть книг в год – это вам не шутки! Но саботаж иногда случается. Сегодня я нахожусь в состоянии саботажа, то есть злостно уклоняюсь от работы при соблюдении видимости ее выполнения. Как? Очень просто. Для редактора я пишу роман. На самом деле я его не пишу. Когда запишу – не знаю. Но не сегодня.

Сегодня я еду в гипермаркет «Всё!». Да, в магазин с таким самонадеянным названием. Думаю, что там действительно найдется все, что мне нужно. Запросы у меня самые непритязательные. Еду в маршрутке. В «Газели». Вы удивлены? Думали, что все писатели ездят на «Лексусах»? Ха! Ха! И еще раз – ха! Наивные вы люди, читатели! Как я вам уже доложила выше, не всякий автор – писатель! Не всякий писатель – автор! Ну… в том смысле, что своих произведений он, конечно, автор, но не более того. Авторы – особый род людей. Это ломовые лошади отечественной популярной литературы. Попсы, проще говоря. Массокульта. А жрецы массокульта и должны ездить в «Газелях», чтобы быть поближе к тем самым массам, для которых пишут. Я и одета соответ-

ственно. Черный пуховик в талию с опушкой по краю капюшона. Опушка из крашеного песца. Черные джинсы. Черные же шнурованные ботиночки на небольшом каблучке. Чтобы ноги не устали бродить по гипермаркету. В общем, я незаметная. Никто никогда не подумает, что я писательница. Однажды, не дождавшись, когда мне из издательства пришлют авторские экземпляры по почте, я купила собственный роман в магазине. Это было в самом начале моей литературной деятельности. Ткнув пальцем с кургузым ногтем в свой маааленький портретик на «спине» книжки, где меня и родная мама не узнала бы, я сказала продавщице: «Это я!» Та, смерив меня презрительным взглядом, даже не удосужилась ответить. Еще бы! Писатели свои книги не покупают! Зачем это им? Писателям их литагенты авторские экземпляры в клювах приносят сразу после выхода. А вот авторам… особенно в начале карьеры… собственные книжки ой как нужны! Прямо не дождешься! Надо ж всем подарить: и друзьям, и родственникам! Хотя, например, мои друзья и родственники до моих книг не очень и охочи. Дамские романы – это моветон в хороших кругах. Вот если бы подруга писала интеллектуальную прозу, таким знакомством можно было бы и блеснуть, а про дамскую беллетристку лучше вообще помалкивать. Даже детективы котируются куда выше. А романы про любофф – это примитив, для узколобых молоденьких блондинок и брюнетистых старых дев на вечном выданье.

Вот я и еду в «Газели» в магазин. Поскольку он гипермар-

кет, то там, наверно, и книжный отдел имеется. Посмотрю, есть ли мои книги. Их почему-то вечно нет. Я часто захожу в книжные магазины. Из интереса. Не обнаружив своих книг на полках, подхожу к продавщице и спрашиваю:

– У вас есть романы Анастасии Кузнецовой?

– Посмотрим, – обычно отвечает продавщица, потому что ни мое лицо, ни фамилия Кузнецова ей абсолютно ни о чем не говорят. Она лезет в компьютер и через пару минут сообщает: – Было два экземпляра «Любви по блату», но уже нет.

Если вы считаете, что это я придумала такое название, то здорово ошибаетесь. Названия придумывают издательства, которые уверены, что «Любовь по блату» вызовет куда больший читательский интерес, чем, например, «Мужененавистница» или «День синих занавесок», мои родные, выстраданные названия. Мне кажется, что «Мужененавистница» – ничуть не хуже такого классического варианта, как, допустим, «Герой нашего времени». Да! Чем мужененавистница не герой нашего времени? Еще какой герой! Или вот есть такое всем известное произведение «Обрыв». Или «Обломов». Нам же, авторам, ни за что не позволят назвать свой роман, к примеру, «Синюкова», или «Мария Сидорова», или хотя бы «Кортик». «Занавески» тоже не сгодились… А между прочим, я сама скорее заинтересовалась бы занавесками, чем любовью по блату, но… может, издательству лучше знать, что купят, что нет.

На самом деле я вовсе не Кузнецова. Я Осипчук. Да, Ана-

стасия Николаевна Осипчук. Но авторы – они не писатели, а потому должны иметь псевдонимы. Русские, поскольку являются винтиками и гаечками русского издательского бизнеса. Осипчук нынче фамилия заграничная, а потому мне пришпандорили Кузнецову. Без отчества. Да. Даже в выходных данных книги вы не найдете отчества Анастасии Кузнецовой. У нее никогда не было отца, потому что ее родило издательство! Сразу взрослой дамой в крашеном песце. Впрочем, русские фамилии были в моде в качестве псевдонимов, когда я только начинала свой путь в литературу. Нынче перешли на такие пафосные и звучные, как Дорн-Гаше, Тренц-Але и им подобные. Я поторопилась к раздаче, а потому быть мне вечно Кузнецовой.

Хотя опять-таки никто не заставляет меня ею быть. Я вполне могу выкинуть эту Кузнецову из головы как страшный сон, навсегда вернуться в ипостась Анастасии Осипчук и отправиться, например, преподавать русский язык в школу. А что? Мое филологическое образование это позволяет. И ведь никто никогда не заподозрит, что Кузнецова и Осипчук – одно и то же лицо…

– Разрешите… – Мужской голос прервал мои размышления на особо трагическом месте, когда мне уже сильно хотелось всплакнуть над собственной вдребезги разбитой жизнью.

Я оторвалась от заоконного городского пейзажа, на который бессмысленно пялилась, прибрала под сиденье свои не

слишком длинные ноги и уставилась на вошедшую в «Газель» пару. Мужчина и женщина пытались удобно расположиться прямо напротив меня. Лицом к лицу. Не друг к другу, а ко мне. Вообще-то я терпеть не могу сидеть с кем-либо нос к носу, но особенного выбора нет, когда садишься в маршрутку не на кольце. Одно свободное место, правда, еще было, но рядом с бабусей, которая везла на своих остреньких коленках синюю эмалированную кастрюлю, из которой во все стороны топорщило ветви невероятно густое домашнее растение неизвестного мне вида. Сидеть в этом кусте мне не улыбалось. И вот теперь я не могу вытащить свои нижние конечности из-под сиденья, поскольку пространство, предназначенное для ног, плотно занято четырьмя чужими.

Если б я была нормальным человеком, то, все же с горем пополам угнездив собственные ноги между соседскими, погрузилась бы обратно в прерванные думы или в какие-нибудь другие, более приятные. Впрочем, нет! Более приятные – это не мой профиль. Я люблю расковыривать свои раны и упиваться болью. Ментальность такая. В страданиях – особая драматургия. Радость – она глупа и быстротечна! Из нее роман не слепишь! Да, вы, которые еще никогда не читали книг Анастасии Кузнецовой, правильно догадались: я пишу с уклоном в достоевщину. В самом худшем смысле, который вкладывают в это понятие. Непременные атрибуты моих романов – слезы, заломленные руки, самокопание, самобичевание и ужасно несчастливое стечение обстоятельств. Меня

часто ругает редактор. Она говорит, что читательницам нужны светлые и счастливые истории любви, потому что страданий и в жизни хватает. Да, ругает, но почему-то принимает мои опусы… Может, читательницы все же не прочь утвердиться во мнении, что не только они так несчастливы в этой жизни. Сотни других женщин вокруг находятся аккурат в таком же состоянии, а потому несчастливость – один из вариантов нормы. После этого осознания им, читательницам, возможно, легче жить. В тесной компании с другими, такими же. Плечом к плечу. Ноздря в ноздрю. Строем. Пятой колонной!

Итак, нормальным человеком я не являюсь, а потому начинаю разглядывать сидящую передо мной пару с корыстными целями. Возможно, сделаю их героями того романа, который якобы пишу, хотя в действительности еду в гипермаркет «Всё!». Вот он, положительный момент моей безвестности! Обратная, так сказать, сторона медали! Никто и никогда не подумает, что сидящая рядом женщина замышляет что-то недоброе, а именно собирается без всякого спросу вставить соседей-пассажиров в книжку! Ну… это ваши проблемы, господа читатели! Читали бы мои романы поактивнее, я ездила бы в «Мазде», а не в общественном транспорте и высасывала бы свои книжки из пальца. А так они из жизни.

Так что там с моими попутчиками? Они явно являются супругами. На безымянных пальцах их правых рук тускло поблескивают одинаковые золотые обручальные кольца. Не

новые, здорово уже пообносившиеся. Тоже мне – благородный металл! Вечно весь в царапинах. В качестве обручальных есть смысл покупать кольца с алмазной гранью или, на худой конец, усыпанные бриллиантами, тогда никто не догадается, что в браке вы состоите уже изрядное количество лет. У меня, правда, вообще нет кольца, хоть и замужем, но я – не образец. Ни для подражания и ни для чего другого.

Супруги, несмотря на поистрепавшееся золотишко, нежных чувств к друг другу, видимо, не растеряли, поскольку то и дело соприкасаются руками в своих тусклых кольцах. То мужчина сожмет ладонью кисть жены, то ее пальцы, выскользнув, принимаются гладить руку мужа. В общем, есть на что приятно посмотреть, как любил говаривать старшина Васков.

Внешности супругов тоже нестандартные. Но только рядом друг с другом. По отдельности каждый из них довольно зауряден, вместе же они являют собой весьма странный союз. Такое впечатление, будто мужчина и женщина соединились как бы от противного. То есть все, чего не хватало каждому в собственном образе, он нашел в супруге. То, что брюнет увлекся блондинкой, разумеется, никого удивить не может. Мой муж – брюнет, женатый на брюнетке, пропустить мимо себя блондинку не в силах. Даже если идет по улице со мной. У мужа голова сама собой поворачивается вслед белокурым волосам. Он над ней, своей головой, в этот момент совершенно не властен, а потому я не обижаюсь. Мне только

всегда интересно, почему женщины так не ведутся на блондинов. Невозможно представить брутального мачо со светлыми волосами? Да, это внешний признак горррячих северных парней угрофинской группы. Ну тех, которые из анекдотов. Хотя… про блондинок тоже тьма анекдотов… Впрочем, оставлю белокурых красоток мужчинам!

У женщины, которая сидит передо мной, большие серые глаза с легкой голубизной. Они выпуклые, как у стрекозы. Впечатление стрекозиности особенно усиливается из-за соседства с глазами супруга, небольшими, глубоко посаженными, с темно-карей радужкой, в которой теряется зрачок. Наверно, такие глаза были у муравья. Того самого, что изрек: «Так поди-ка попляши!» Возможно, пока Крылов Иван Андреевич не видел, тот муравей тоже держал за лапку свою стрекозу и даже поглаживал ее в точности, как это сейчас делает мой попутчик, а потом послал плясать. Многие мужчины так поступают.

И вообще этот чужой супруг похож на муравья. Он какой-то весь темный. И дело даже не в одежде, которая черная. Мужчина – смуглый брюнет. Стрижка очень короткая, ежиком. Я на его месте не стала бы так стричься, потому что этот ежик демонстрирует окружающим абсолютно все неровности черепа. Хотя… может быть, так и задумано… Череп у гражданина выдающийся, бугристый, шишковатый. Не помню, писал ли что-нибудь про шишковатость Ламброзо, но я на его месте написала бы. Почему-то муравьиный

мужчина кажется мне умницей, доказательством чего и являются бугры его черепа. Но поскольку я пока на своем месте, просто продолжу описание чужого супруга. Сквозь короткие темные волоски проглядывает очень блестящая кожа, которая особенно туго натянута на лице. Она обтекает лоб, чуть нависший над глазами, почти не защищенными бровями, ибо та редкая поросль, что призвана их изображать, ни от чего защитить не может. И если, трудясь на каком-то поприще, например, на заготовках припасов на зиму, этот муравей обильно вспотеет, пот, благополучно минуя жалкие, редкие ости бровей, затечет ему в самые муравьиные глазки. Далее, масляно блестя, кожа обтягивает выпуклые азиатские скулы и спускается во впадины щек. Да! Не обтекает выпуклости, а именно спускается во впадины! Там, в щечных впадинах, она покрывается легкой щетиной, от чего вовсе не перестает блестеть. Плотно укрыв выпуклый, острый подбородок, кожа резко обозначает еще одну выпуклость – не менее острый, подвижный кадык – и благополучно спускается за расстегнутый ворот рубашки стального цвета, выглядывающий из-под черной кожаной куртки.

Я так подробно задержалась на лице мужчины, чтобы показать, что тип выбранной им в супруги женщины абсолютно другой. Она белокожа и натурально светловолоса. Волосы завиты в многочисленные кудряшки. Именно многочисленные. Каждая из них изготовлена отдельно и существует как бы сама по себе, но в абсолютной гармонии с остальны-

ми. В общем, на голове муравьиной подруги хорошо продуманный и художественно организованный хаос. Ее крупное, круглое лицо кажется неприятно плоским. Возможно, только в соседстве с выразительными выпуклостями и впадинами мужниной головы. Вероятно, если б я сначала рассматривала женщину, то решила бы, что у мужчины неприятно безгубый рот. Теперь же мне кажется, что губы его супруги интенсивно цикламенового цвета чрезмерно выпуклы и неестественно вывернуты, будто накачанные ботоксом.

Я представила, как супруги целуются, и с трудом удержала улыбку. Впрочем, с чего я взяла, что они испытывают с этим делом какие-то затруднения?! Возможно, данный муравей долго искал стрекозу с такими соблазнительными губами. Не зря же медийные тетки впрыскивают себе только что всуе помянутый ботокс. Наверно, такие губы нравятся всем мужчинам без исключения: и безгубым, и с приличного размера собственными губами. Мне тут же очень захотелось вытащить зеркальце и еще раз взглянуть на свои губы. Порыв сдержала, ибо очень хорошо их представляю: весьма средних размеров, ничем не примечательных очертаний, вслепую намазанные в лифте нейтрально-коричневой помадой.

Я как раз думала о том, что в следующий раз тщательно нарисую себе губки дома, когда зеркальце вдруг вытащила женщина и принялась что-то разглядывать в своем глазу. Похоже, в него залетела соринка. Муж тут же принял деятельное участие в деле извлечения инородного предмета, а имен-

но: поддерживал зеркальце, с беспокойством вглядывался в лицо супруги и изображал собой общую заинтересованность происходящим и даже тревогу. Мой муж в подобной ситуации буркнул бы что-то вроде: «А нефиг глаза мазать!» и принялся бы рассматривать… да вот хотя бы бабкино растение, выразительно трясущее ветвями, предоставив мне возможность самой справиться с мусором в очах.

Не успела я как следует расстроиться по сему поводу, как женщина отвела руку от лица и, ткнув зеркалом в бабку, выдохнула:

– Боже! Маринка!

Поскольку рядом с нами, кроме старушки с острыми коленками, не наблюдалось ни одной особи женского пола, я с недоумением посмотрела на супругов. Оба враз очень одинаково испугались, чем подтвердили мнение, что много лет прожившие вместе люди делаются в чем-то похожими друг на друга. Потом они совершили весьма странные действия. Мужчина поднял воротник своей куртки и даже попытался в ней как бы утонуть лицом, а женщина сняла с шеи скользкий шелковый шарфик цвета осенних листьев и не без труда повязала им голову, тщательно укрыв округлости щек. Обоим, вдруг одномоментно утратившим интерес друг к другу, явно хотелось сбежать, но, видимо, ринуться на выход по какой-то причине супруги не могли и чувствовали себя запертыми в маршрутке, как в мышеловке. Они и сидели напротив меня, словно две подопытные лабораторные мыши, которым вко-

лоли парализующий препарат.

В этот момент «Газель» остановилась, и в нее вошла женщина. Она оглядела салон в поисках свободного места. Как я вам уже доложила, оно было только одно – рядом с бабулей и растением в синей кастрюльке. Женщине пришлось сесть прямо в этот терновый куст. Кое-как устроившись на не слишком удобном месте, пассажирка выглянула из-за ветвей и, небрежно осмотрев салон, остановила глаза на паре, сидящей напротив меня.

Несмотря на громкое урчание транспортного средства, глухие звуки, доносящиеся с улицы, хныканье малыша с переднего сиденья, в нашем микроотсеке все как бы онемело и окаменело. Бабулька с растением боялась пошевелиться, чтобы соседка, которой неудобно сидеть в кусте, не устроила сцену и не выкинула бы ее вместе с этим кустом из маршрутки. Я переводила взгляд с супругов на новую пассажирку, которой те явно опасались, и обратно. Мужчина и женщина, как уже было отмечено выше, застыли, по-прежнему изображая полную индифферентность друг к другу. Остальные наши попутчики полностью погрузились в себя, и происходящее их не интересовало. В общем, немая сцена. Гоголь отдыхает. В самом деле, что есть переживания какого-то почтмейстера, превратившегося в вопросительный знак, или Коробкина с его прищуренным глазом и едким намеком на городничего, или самого городничего с распростертыми руками и запрокинутой назад головой по сравнению с ужасом,

изобразившимся на лицах супругов и только что вошедшей в маршрутку женщины, в полном безмолвии глядящих друг на друга? Именно в этот момент я поняла, что Николай Васильевич перестарался с позами: они слишком вычурны. Мои попутчики сделались бесформенными, аморфными, не способными вообще ни на какие позы. Я как-то разом все поняла про них. Супруги – вовсе не супруги, несмотря на одинаковые обручальные кольца! Да они и не одинаковые! Сейчас я совершенно явственно вижу на кольце мужчины два крохотных бриллиантика или, может быть, фианита. На кольце женщины, полускрытой ветками бабкиного растения, точно такие же блестючки. Я их очень хорошо могу рассмотреть, потому что правой рукой пассажирка схватилась за горло, будто ей стало трудно дышать. И эта женщина по имени Марина куда больше подходит мужчине, чем блондинка. Марина смугловата, черноволоса, и, как мне кажется, умна. Впрочем, блондинка, возможно, тоже не лыком шита. Откуда мне знать?

Да, наверное, и блондинка не дура, потому что не проронила ни единого звука. Все трое оказались хорошо воспитанными людьми, которые явно не хотели демонстрировать посторонним характер своих отношений. Они молчали, хотя я понимала, что каждый внутренне если и не кричит, то стонет. На лице Марины застыла гримаса болезненного удивления. Было совершенно очевидно, что от собственного мужа, который прилежно носит обручальное кольцо с брилли-

антиками или фианитами, она такого предательства никак не ожидала. На лице блондинки явственно читалось выражение «Все пропало!» Нет не так. «ВСЕ ПРОПАЛО!!!»

Я осторожно перевела взгляд на неверного мужа. Его глаза, еще сильнее запавшие, были закрыты, щеки втянулись сильнее и, как у Дон Кихота, будто целовались изнутри друг с другом. Лицо изображало усталость крайней степени. В общем, этот персонаж моего будущего романа гораздо лучше смотрелся бы в гробу на кружевной подушечке и с руками, сложенными на груди, нежели в салоне общественного транспорта. Я поняла блондинку. У нее, похоже, действительно все пропало. То, что любовник гладил ее ручку и трогательно поддерживал зеркальце, не значит вообще ничего. Просто в тот момент ему так хотелось – и все! Но и Марине ничего хорошего наверняка не светит. Скорее всего, этот муравьиный Дон Кихот уйдет и от жены, и от любовницы в поисках лучшей доли. Господи! Да зачем мне писать про них роман?! Зачем переживать за этих людей, с которыми я совершенно не знакома?! Как хорошо было просто ехать в маршрутке в гипермаркет «Всё!» и смотреть в окно. Созерцать окружающее, так сказать, не напрягая мозговые извилины. Конечно, я несколько печалилась о собственной никчемной писательской судьбе, но думы эти привычные, а потому где-то даже сладкие. Теперь же я просто не знаю, куда девать глаза, потому что все поняла про своих попутчиков и, по совершенно непонятной причине, чувствую себя винова-

той. Отвратительное, я вам скажу, состояние.

И в этом состоянии вины я ехала до самого гипермаркета. Остальные пассажиры наверняка направлялись туда же, иначе не забрались бы в эту маршрутку. Полно и других. Только вот непонятно, куда бабуся потащит свою кастрюлю. Впрочем, возле магазина, конечно же, есть и жилые дома.

Когда наше транспортное средство остановилось, первым со своего места поднялся Дон Кихот. Еще бы! Он же так устал и ехать, и мысленно объясняться с двумя женщинами попеременно. Ему, само собой, требовался отдых. Вслед за ним припустил юркий мужичонка, сидевший впереди Марины. Я с неудовольствием отметила, что на капюшоне его куртки точно такой же крашеный песец, как у меня. Один в один. Потом встала Марина. Понятно, ей хотелось быть впереди любовницы мужа хотя бы на выходе из маршрутки. За Мариной сорвалась с места несколько подзадержавшаяся на старте жена мужичка в крашеном песце. С ворчанием: «Вот никогда не подождет…» она вывалила в проход свое очень круглое тельце, запакованное в блестящую искусственную кожу цвета давленой вишни. Затем с самым понурым видом пошла к выходу блондинка, так и не снявшая с головы нелепо повязанный шарф осенних тонов. Тут наконец из своего угла выпросталась бабуся и, отчаянно руля кастрюлькой с разлапистым растением, смачно хлеставшим сиденья ветками, потрусила за блондинкой. Ну а уж следом отправилась и я.

– А что у вас за цветок? – зачем-то спросила я бабульку. Наверно, для того, чтобы отвлечься от мыслей о только что происшедшей на моих глазах семейной трагедии.

– Это, доча, гибискус… китайская, стало быть, роза… – охотно отозвалась владелица кастрюльки. – Что-то не цветет, зараза…

Гибискус, китайская роза… Хорошее название для романа. Хотя издателям наверняка больше понравилось бы что-то вроде «Любви в гибискусах». О господи!!! Ну что я все о романах да об издателях! Будто подумать больше не о чем! Пожалуй, я не стану искать книжный отдел! Да провались он! Все равно там нет моих книг! Или они выложены на стойки вместе с переводами зарубежных love story в ядовито-розовых обложках, на которых брутальный мужчина в расстегнутой до пояса рубахе, похожей на исподнее белье мушкетера, лезет за корсаж красотки типажа Анжелики – маркизы ангелов. Хотите спросить, что изображено на обложках моих книг? Да почти то же самое… Только позы поскромней, женские корсажи без архаичной шнуровки и мужички не так сильно расстегиваются.

В общем, наплевать мне на мои же собственные книги, на издателей и даже на ту троицу из маршрутки, которую я собиралась вставить в новый роман. Нет новым романам! Хотя бы на сегодняшний день! Отправлюсь-ка я лучше в кафешку. Вон в ту, которая называется «Осенний блюз». Нормально. На дворе осень. И настроение у меня почти блюзовое.

Интересно, а летом они переделывают вывеску на «Летний блюз», а зимой – на «Зимний…»? Или так и живут в своей осени круглый год? Впрочем, какое мне до этого дело? Может быть, владельцы кафе по какой-то причине так же не властны над названием своего заведения, как я над названием собственного романа… О боооже! Опять я о своих баранах!!!

А заведеньице-то и впрямь осеннее, да! Интерьер быстро не сменишь, как вывеску. И правильно! Знойным летом, наверно, приятно посидеть среди осенних листьев и под игриво развешенными над столиками самыми обычными зонтами. А зимой, возможно, радуешься тому, что зима – это вам не мокрая, слякотная осень. Весной зонты и желтые листья напоминают о том, что все в мире преходяще, и несмотря на то, что сирень, к примеру, только что распустилась, она непременно завянет в самом скором будущем, потом отцветут тюльпаны, следом какие-нибудь ноготки, а после пойдут грибы, а с ними и дожди… Хотя нет, сначала дожди, затем грибы… Но дела это никак не меняет.

Я выбрала столик у окна в той половине зала, где можно курить. Когда я не курю, меня злит, что теперь во многих заведениях в одной стороне курят, а в другой – нет. Можно подумать, что дым из одной половины не попадает в другую! Чушь собачья! Но когда я курю, мне плевать на то, что мой дым красивой струйкой плывет на соседнюю половину. Кому не нравится, пусть ищут кафе, где курить запрещено. Кста-

ти, гораздо труднее найти не то кафе, где не курят, а такое, где не висит на стене плазменная телевизионная панель, в которую пялятся скопом все работники заведения. Поскольку они, работники, обычно постоянно курсируют по залу, то, чтобы слышно было каждому и отовсюду, врубают громкость на полную мощность. Бесполезно просить, скажем, бармена уменьшить звук. Он уменьшит, конечно, но официантка, выплывшая из кухни с подносом в одной руке, тут же свободной рукой снова врубит звук по полной. Еще бы! Находясь на кухне, она прослушала, сколько стоят резиновые сапоги в розовых розах, которые легко купить в «Магазине на диване», а значит, можно заказать их прямо сейчас, отставив в сторону поднос с чужим заказом и несколько раз нажав на кнопки мобильника.

В кафе «Осенний блюз» с телевизионной панели звонко голосила какая-то девчушка. Через несколько минут я поняла, что транслировался конкурс детской песни. Дети нынешние не те, что давешние. Им, нынешним, даже в голову не придет спеть на конкурсе «Антошка, Аантошка, пойдем копать картошку!» Теперь это в репертуаре даже не яслей, а родильного дома. Девчонка лет семи в кудрях, завитых спиральками, почти как у блондинки из маршрутки, увлеченно пела о том, как накостыляет всем мальчишкам, если вдруг что. Я поспешила отвлечься от размышлений, что с ней могут сделать гнусные современные мальчишки, и достала сигареты. Да, буду курить! Сейчас я в этой стадии!

Как, с точки зрения среднестатистического читателя, выглядит среднестатистическая писательница во время работы над книгой? Я как-то видела несколько шаржей на такую дамочку. Значицца, так! На дамочке расстегнутая мужская рубаха в клетку, под которой даже и не поймешь, надето что-нибудь или нет. Рукава, само собой, засучены, а то как же пахать… то есть писать! Длинные и обязательно светлые волосы (о, эта любовь к блондинкам!) кое-как скручены на затылке в бесформенный ком, из которого в художественном беспорядке выбиваются пряди и набегают на лицо. В углу рта что-то вроде лихо сплющенной беломорины, а рядом с компом – пепельница, полная окурков. Такая вот атрибутика вдохновения! А еще всюду почему-то набросаны скомканные листы бумаги. Будто писательша как только наберет лист, тут же его печатает, чтобы немедленно скомкать и, таким образом, соорудить вокруг себя рабочую обстановку. Ребята! Зачем печатать и комкать? Куда легче просто нажать на delete!

Как было упомянуто выше, я брюнетка. Коротко стриженная. Как бы ни пыжилась, волосяной ком на затылке мне не организовать, и, соответственно, прядям из неорганизованного кома ни за что не вылезти. Поскольку я замужем, то мужских рубашек у нас дома навалом, но я предпочитаю писать в халате. Да! В велюровом! С расцветкой под леопарда. Дело, конечно, не в том, что именно в леопарде меня посещает вдохновение. Просто у меня сейчас такой халат. Уют-

ный. Мягкий. А до этого был синий с вышитыми на вороте белыми цветочками. В нем текст тоже хорошо шел. Но тот халат, увы, износился. Пришлось купить леопарда.

Пишу не за столом. Нет. В постели. Как проснусь, так и пишу. Иногда завтракаю, иногда нет. Не завтракаю не от того, что, перефразируя классика, пальцы тянутся к компу… минута – и слова свободно потекут… А потому, что утром вообще плохо ем. Я устраиваю себе в постели гнездо из подушек, куда и забираюсь, накрываю ноги одеялом, на коленки кладу две тощие декоративные подушечки, а на них – ноутбук. Подушечки – это чтобы повыше было, удобнее, значит… Кладу их так, чтобы левая сторона бука слегка свисала с этой импровизированной подставки. Думаете, зачем? Затем, что муж меня достал! Он утверждает, что, если закрывать подушками нижнюю панель ноутбука, он перегреется и гикнется. А внизу, именно с левой стороны, имеются вентиляционные отверстия, через которые машина как раз и охлаждается. Сначала я просто сдвигала комп в сторону, освобождая отверстия, как только слышались мужнины шаги, потом решила, что не стоит так напрягаться. Лучше наловчиться класть бук на подушки так, чтобы этот мужчина перестал зудеть у меня над ухом, да еще в тот момент, когда текст «идет»! И наловчилась! Представьте, «этот мужчина» раз десять проверил, в каком состоянии находятся вентиляционные отверстия, и наконец успокоился.

Как вы знаете, курить в постели опасно. Каждый не раз

видел предупреждающий плакат, на котором изображен вусмерть пьяный мужик с сигаретой. Под ней уже образовались язычки пламени, пожирающие матрас, дальнейшая судьба коего незавидна. Судьба мужика – тоже. Но не курю в постели я не из страха повторить его участь. Я вообще дома не курю. И ни в одном из тех мест, где меня может застукать «этот мужчина», то есть мой муж. Он не курит. Курение считает чем-то сродни намеренному членовредительству, в чем, конечно же, прав. Но он прав всегда, что здорово утомляет. У меня вообще очень правильный муж. Он еще бегает трусцой. Каждый день. В любую погоду. И если ему пожаловаться… ну… хоть на что, зачин его ответа всегда один: «Вот если бы ты со мной бегала…» Даже если, например, посетовать на то, что в автобусе у меня вытащили кошелек, муж все равно начнет с коронного: «Вот если б ты бегала со мной, твои сосуды куда лучше снабжали бы мозг кровью и ты не была бы такой растяпой!» Можете себе представить, какую нетленку, с точки зрения моего мужа, я выдала бы, если б ежедневно бегала вместе с ним в аллеях парка, прилегающего к нашему дому! В общем, лучше мужу ни на что не жаловаться и, разумеется, не курить в его присутствии.

Если честно, то я в курение не втянута. Хочу – курю, хочу – нет. Это не дурная привычка, а особое действо! Правда! Я никогда не испытываю непреодолимого желания затянуться ядовитым дымом. Почему курю? Как бы это объяснить… В общем, ядовитый дым сигареты у меня ассоциируется с

дыханием свободы. Да! У меня очень однообразная жизнь и строгий муж! Каждый день я сижу в своем подушечном гнезде и стучу по клаве. Пять листов – это ежедневная норма. Главное, чтобы не меньше. Но лучше – восемь. Иногда получается написать десять страниц или даже двенадцать, но крайне редко. А если это получается, то больше не получается ничего вообще. После двенадцати листов я не могу даже смотреть телевизор, а не то что приготовить мужу, пришедшему с работы, ужин. Ну и кому это надо? Лучше все же писать пять. В крайнем случае, восемь…

Поскольку писательница я не слишком популярная, ни на какие тусовки, встречи с читателями и фотосессии в гламурные журналы меня не приглашают. Большую часть жизни я провожу в своем гнезде. Иногда, правда, устраиваю бунт на корабле, вылезаю из постели, надеваю пуховик с крашеным песцом и еду куда-нибудь в глубь города. Все равно куда. Главное, чтобы подальше от дома. Летом на мне такие же неприметные, как пуховик, черные джинсы и светленькая маечка. Зимой – стандартная коричневая дубленка. В общем, человек из толпы. Обывательница. И никто даже не может представить, как в такой момент поет душа у этой обывательницы, как она наслаждается вырванной у злодейки-судьбы свободой.

Перво-наперво я всегда забираюсь в какое-нибудь кафе, где заказываю самую вредную, с точки зрения моего мужа, пищу: жутко масляный салат, неприлично калорийное пи-

рожное, где побольше крема и сдобного теста, и еще много черного кофе. Вот тут-то для комплекта и полной нирваны как раз и нужны сигареты. Желательно с ментолом. Подруга говорит, что сигареты с ментолом самые вредные, но это именно то, что мне нужно в такие дни протеста. Пусть все будет неправильно, вредоносно и вызывающе! Все не так, как всегда, а потому приятно и очень возбуждающе!

Но дети, вопящие с плазменного экрана, сейчас очень мешают, да… Ничего не поделаешь, как я уже говорила, найти кафе без телевизора в красном углу куда сложнее, чем иголку сами знаете где. С неизбежностью приходится мириться. Лучше закурить сигарету. Ту самую. С ментолом. И в ожидании заказа, смакуя ментоловый дым, смотреть из окна на улицу.

– У вас свободно? – услышала я и в удивлении повернула голову.

В такое время в кафе полно свободных столиков, а потому нет никакой необходимости подсаживаться ко мне. Именно это я собиралась сказать женщине, голос которой услышала, и… обомлела. Передо мной стояла Марина. Из маршрутки. Та, которую муж променял на блондинку в шарфе цвета осенних листьев. Марине я не могла бы отказать ни в чем. Даже если б она потребовала, чтобы я вообще освободила этот столик, я тут же повиновалась бы. Мой муж меня, конечно, достал, но, возможно, я выглядела бы куда хуже Марины, если б увидела его с другой женщиной. В общем, мне

хотелось сделать для этой Марины что-нибудь приятное, а потому, скроив самую доброжелательную мину, я ответила:

– Конечно. Садитесь.

– Простите, что я нарушила ваше уединение, – произнесла Марина, тут же устроившись напротив меня. – Просто мне нужно… смотреть в это окно… В другие не видно… Я вам не помешаю…

Разумеется, я тут же бросила самый заинтересованный взгляд за стекло. До этого я смотрела на улицу абсолютно бессмысленно, ни на чем не фокусируясь. Вы должны догадаться, что я там увидела. Вернее, кого… Правильно! На тротуаре стояли Маринин муравьиный Дон Кихот и блондинка. Они разговаривали. Нервно. Особенно горячилась блондинка. Она что-то пыталась втолковать мужчине, который, видимо, не желал ее понимать, а потому для помощи размахивала руками. Ее шарф сам собой сполз с головы, и примятые кудряшки не очень красиво свесились на одну сторону. Лица донкихотистого муравья я не видела, но даже его спина была очень выразительна. Она, эта спина, не хотела идти с блондинкой туда, куда ее хозяин собирался до того, как Марина вошла в маршрутку. Спина вообще больше не хотела блондинку. Мужчина, видимо, озвучил решение своей спины и, резко развернувшись, пошел в сторону метро. Блондинка что-то крикнула Дон Кихоту вдогонку, но он даже не обернулся. Женщина приложила руку ко рту таким же отчаянным жестом, каким Марина в маршрутке схвати-

лась за свое горло. Потом, утопив подбородок в дыбившемся осеннем шарфе, блондинка медленно побрела в противоположную от метро сторону. Да-а-а… Послал-таки плясать свою стрекозу Маринин муравей! Прав был дедушка Крылов! Очень жизненные у него басни!

Надо же… Я столько раз описывала в своих книгах любовников, коих придумывала, и вот они, настоящие, прямо передо мной…

Я посмотрела на Марину. Она, напрочь забыв обо мне, все еще глядела в окно, где уже не было ни ее мужа, ни блондинки. Лицо женщины сделалось серым и обмякшим, словно грязный весенний снег, и грозило растаять, и даже стечь прямо на стол, за которым я, покуривая, ждала заказ. Да, неприятности не красят.

Я не вступаю в разговоры с незнакомыми людьми, хотя могла бы. Для дела. Чтобы получить новые впечатления для своих романов. Но все же никогда этого не делаю. Предпочитаю придумывать, что могут в той или иной ситуации сказать или совершить люди, за которыми я наблюдаю. О! Не попадайтесь на глаза женщинам в крашеных песцах, если не хотите ненароком очутиться на страницах романа. Одной из этих, в песце, вполне могу оказаться я, и тогда вы узнаете о себе такоооe…

Сейчас же история сама собой просто лезла мне в руки, и глупо было не воспользоваться этим.

– Это ваш муж? – спросила я, хотя нисколько не сомне-

валась в этом.

Марина вздрогнула и перевела на меня испуганные глаза. Потом ее взгляд как-то мгновенно трансформировался в ненавидящий, и она по-змеиному прошипела:

– Сссс чччего вы взззяли… Какое ваммм…

Она не дошипела. Чувствовалось, что ей очень хочется запустить в меня тяжелой стеклянной пепельницей или стильной вазочкой. Марина желала выместить ненависть к своему мужу и его блондинке хотя бы на мне, но силы ее вдруг покинули. Женщина уронила руки на стол, на них – голову и разрыдалась. Я не знала, как ее утешить. Да и вообще, по себе знаю, что в таких случаях лучше не лезть со своим сочувствием. В эти моменты очень полезно выплакаться как следует, чтобы хоть как-то освободиться от боли. Потому… пусть себе поплачет. Дети с телеэкрана так вопят, что никто, кроме меня, и не услышит Мариниых рыданий. А то, что она прилегла на стол, – ну так и кому какое дело! У нас нынче полная свобода самовыражения!

Пока она плакала, я принялась думать о ее муравье. Муравьиный взгляд, обращенный на блондинку, до того быстро потух при появлении Марины, и так безразлична была спина, которую мы имели удовольствие видеть за окном, что я решила: эта женщина в шарфе цвета осенних листьев на самом деле ничего для этого мужчины не значит. Она для него является чем-то вроде моей ментоловой сигареты. Элемент мужской свободы. Хочу изменяю, хочу – нет! Вот только что

пылал желанием, зеркальце поддерживал, ручку гладил, а теперь вдруг расхотел – и ничего с этим не поделать. Да! Похоже, сердце блондинки раздавлено… И Маринино тоже… И кем? Каким-то муравьем, чьи щеки целуются изнутри, как у литературного героя, над которым потешается все человечество! Конечно, Маринин муж не носит на голове тазика для бритья, но это вовсе не делает ему чести!

– Не расстраивайтесь, – проговорила я, отправив в рот порцию обильно сдобренного жирным майонезом салата, который мне наконец принесли.

Официантка хотела было что-то сказать в адрес Марины, по-прежнему распластанной на столе, но я ей не дала. Пусть идет и смотрит конкурс детской песни, а наши переживания – не ее ума дело. Впрочем, можно заказать кофе для Марины. Салата с пирожным ей, скорее всего, и не захочется, а тонизирующий напиток вполне может взбодрить! И я заказала еще один эспрессо, именно после этого выдав несчастной женщине свое «не расстраивайтесь» и добавив:

– Он не стоит ваших слез.

– Да что вы по-ни-ма-е-те? – пробулькала Марина и даже оторвала голову от стола, что было уже хорошим признаком.

Конечно, я могла бы ей сказать, что мой муж хоть и очень саркастически, но все-таки называет меня «инженером человеческих душ», и что про эти самые человеческие души я уже наваяла романов двадцать, только вряд ли она поверит! Разве инженеры человеческих душ едят простецкие салаты

с просроченным майонезом в третьесортных кафе, пусть даже и украшенных разноцветными зонтиками? Да никогда! Они принимают пищу в фешенебельных ресторанах с белой лепниной на потолке, при входе в которые стоят вымуштрованные швейцары в галунах. Эти церберы не пропустят в зал всяких там марин, желающих во что бы то ни стало поглазеть в ресторанное окно на то, как им изменяют собственные мужья.

– Не любит он ее, – сказала я по-простому.

Марина посмотрела на меня с таким значением, что я поняла: она не против поговорить на эту тему. Давно известно, что самые животрепещущие, чувствительные и интимные вопросы лучше всего обсуждать с людьми совершенно незнакомыми: попутчиками в поездах дальнего следования, соседями по больничной койке или по таким вот столикам в кафе.

– Возможно, не слишком любит, – поправила меня Марина, – раз столь безжалостно бросил ее посреди тротуара. Но ведь выходит, что меня он не любит вообще…

– С чего вы взяли?

– Ну… раз изменяет… Вот вам… скажите… муж изменял?

Я взяла из пачки еще одну сигарету, зачем-то помяла ее в пальцах, как когда-то разминал свою папиросу «Беломорканал» мой дед, прикурила и, выдохнув дым, честно ответила:

– Откуда мне знать? Мне кажется, что не изменял, но ведь

и вы, судя по всему, до сегодняшнего дня были уверены, что муж вам верен.

– Я… до сегодняшнего дня… почему-то даже не задумывалась над этим… Гоша никогда не давал повода к каким-то сомнениям… Всегда был нежен, предупредителен… и все оказалось враньем…

Марина так резко выбросила в мою сторону руку, что я отпрянула. Показалось, что женщина решила ударить меня, раз уж Гошу не удается, но она всего лишь взяла из моей пачки сигарету. Без спроса, но я восприняла это как само собой разумеющееся. Коль у нас общий интимный разговор, сигареты должны быть общими и подавно. Я подвинула ближе к Марине зажигалку и произнесла:

– Возможно, никакого вранья с его стороны нет. Гоша любит именно вас, а эта блондинка – так… развлечение… Легкий отдых от несколько утомивших пут семейной жизни.

– Эта блондинка – моя лучшая подруга. Златой прозывается, – ответила Марина.

Лицо ее вдруг сделалось жестким, и я подумала, что она совсем не тот человек, которым показалась вначале. Сейчас передо мной сидела вовсе не оскорбленная в лучших чувствах мягкотелая добродетель, а сильная, волевая женщина, собравшаяся мстить.

Я решила никак не реагировать на Маринино сообщение о подруге (пусть расскажет сама, что захочет) и принялась искать в чертах новой знакомой то, что способствовало пре-

ображению. Похоже, все дело было в губах. Уголки рта Марины, до сего момента безвольно опущенные, придавали ее лицу вид безответной куклы Пьеро, которую любил бивать палкой Арлекин. Сейчас любой Арлекин обошел бы эту женщину стороной, не возлагая напрасных надежд на свою палку. Марина улыбалась. Две нетронутые помадой полоски ее губ, растянувшись, заставили щеки молодой еще женщины сложиться в старческие складки. Жена муравьиного Дон Кихота казалась сейчас старше мужа на целую жизнь, что, разумеется, шло ему в минус. Придется этому «насекомому существу» принять за свое преступление изысканнейшую кару от наимудрейшей.

Выпустив клуб ментолового дыма изо рта, а потом еще две витые дымные змейки из носа, Марина действительно начала рассказывать дальше без всяких на то просьб с моей стороны:

– Мы со Златкой всю жизнь вместе. В одной песочнице играли. Ходили в один детский сад, учились в одном классе. В институты, правда, поступили разные. Златка – в медицинский, а я в политехнический… Но все равно дружили. Она даже свидетельницей была на нашей свадьбе с Георгием. Восемнадцать лет назад… – Марина так яростно затянулась, что сигарета мгновенно почернела, съежившись в пепел почти до самого фильтра. Потом женщина выдохнула целое облако дыма и вынуждена была даже помахать перед собой рукой, чтобы снова увидеть мое лицо, на несколько

секунд скрывшееся от нее за этой нестойкой завесой.

Тут принесли кофе. Марина приняла чашку без всякого удивления, будто заказывала ее сама, тут же отпила хороший глоток и снова помахала рукой уже для того, чтобы как-то остудить обожженный рот. Я по-прежнему молчала.

– Интересно, – произнесла она, продолжая неприятно улыбаться, чем безжалостно смяла в морщины свои щеки, – как давно это у них началось… Впрочем, теперь я поняла: с моей стороны было сущим идиотизмом не замечать, что они симпатизируют друг другу. Гошка всегда охотно слушал мои россказни о Златке, хотя и называл ее глупой курицей, а она… да… теперь я это четко вижу… смотрела на него с каким-то особенно значительным выражением лица. Я думала, что Златка просто уважает Георгия, а выходит, все это время она его… любила… Впрочем, нет! Какая еще любовь! Между ними была просто самая вульгарная связь!

Слово «вульгарная» Марина произнесла с таким отвращением на лице, что ее подруга (конечно, теперь уже бывшая) сразу представилась мне грязной, неопрятной бомжихой с щербатым затхлым ртом и растрескавшимися бородавками на пальцах. И это несмотря на то, что я точно знала: Злата – яркая чувственная блондинка с тонкими запястьями! Вот она, сила слов! Еще я подумала о том, что нет на этом свете ничего более непрочного и эфемерного, чем дружба. Не только женская, как вы, наверно, успели подумать. Мужчины в случае насущной необходимости так же легко предают

друзей. Приходилось наблюдать…

Последнее время я довольно легко обхожусь без подруг. Общение с ними отнимает массу времени, которое я могу потратить на свои романы. Во-первых, ими я зарабатываю на жизнь, во-вторых, являясь полной хозяйкой собственного произведения, я расставляю человеческие фигурки в том порядке, какой придет в голову. Никакой, даже самый хитроумный герой на кривой кобыле меня не объедет, а любую проштрафившуюся героиню (подругу) я могу, условно говоря, оставить на съедение волкам в дремучем лесу, сослать на галеры или растворить в серной кислоте. Ни одна из придуманных мною женщин никогда не сможет увести у меня мужа. Хоть этот мужчина меня и достал, но он все же мой собственный, а потому никому не стоит раскатывать на него губы.

Пока Марина прикуривала следующую мою сигарету, я успела подумать о том, что бедняжку ждет сегодня нелегкий вечерок. Муравьиный Георгий, в конце концов, где бы его сейчас ни носило, будет вынужден вернуться домой, и между ними произойдет диалог, который может стоить женщине здоровья. Их разговор здорово украсил бы задуманный мною роман, если б мне, конечно, довелось при этом присутствовать. Впрочем, сию сцену легко смоделировать…

– Между прочим, вы могли бы мне помочь… – проронила вдруг Марина после того, как опять длинной затяжкой превратила в пепел сразу половину сигареты.

– Я?! – Моему удивлению не было предела. Если отчаявшаяся женщина вдруг решила, что я могу выступить посредницей в деле ее переговоров с блудным мужем или бывшей подругой, то она здорово ошибается. Для своего романа я все придумаю самостоятельно.

– Да! Вы! – Марина резко приободрилась, одним махом затушила в пепельнице сигарету и всем телом подалась ко мне. Ее и без того темные глаза сделались почти черными из-за расширившихся зрачков. – Всех моих подруг Георгий знает в лицо, а потому при их участии я не могу провернуть операцию, которая только что пришла мне в голову.

– Но почему вы решили, что… – начала я, но женщина тут же перебила меня вопросом:

– Вы ведь замужем, не так ли?

После того, как я кивнула, Марина решила уточнить:

– И вы не знаете, изменяет вам муж или нет, да?

– До сегодняшнего дня я была убеждена, что не изменяет, но… после случившегося с вами твердой уверенности в его непогрешимости у меня уже нет… – честно ответила я.

– А я теперь думаю, что непогрешимых мужей вообще нет, а потому предлагаю вам сделку!

– Сделку? – удивилась я. До сих пор никто ничего подобного мне не предлагал, а потому я уже заранее на все согласилась. Такого жизненного опыта у меня еще не было, а он, все с той же писательской точки зрения, может стать бесценным.

– Да! Чтобы вы с ходу не отказались, я сначала хочу предложить вознаграждение! Вот! – Марина положила передо мной свою левую руку, на среднем пальце которой сверкал перстень. Я, абсолютно не разбирающаяся в ювелирных изделиях, сразу поняла, что он драгоценный. В полумраке кафе было не очень понятно, какого цвета камни в перстне, но выглядело украшение по-царски.

– Натуральные сапфиры, – пояснила Марина. – Эксклюзивная вещь. Будет ваша, если согласитесь.

Ну, знаете, это уже чересчур! Писатели не продаются за перстни с сапфирами! Это скажет вам любой из них… но… Писателя вполне можно купить за сюжет бестселлера… Да! Сюжет, что уже просился в книгу, был от меня на расстоянии всего лишь длины столика кафе «Осенний блюз», и упускать его – слишком глупо.

– Я не ношу колец, – ответила я, – а потому вы лучше расскажите, что задумали, и, возможно, это заинтересует меня куда больше, нежели ваши эксклюзивные сапфиры.

– Хорошо!

Марина сразу убрала руку, и я поняла, что расставаться с перстнем женщине совсем не хотелось. Поскольку она все же готова была его отдать, стало окончательно ясно, сколь серьезны ее намерения. Хотя… Я не была бы писательницей, если б тут же не продумала такой вариант: я делаю то, что от меня хочет Марина, а она не только не дарит перстень, а, условно говоря, отвозит меня в дремучий лес на съедение

волкам, продает на галеры или растворяет в серной кислоте. Так стоит ли соглашаться на ее предложение? Впрочем, решение я приму потом, а пока выслушаю Маринины соображения.

– Хорошо! – еще раз повторила Марина. – Я расскажу… Гоша… ну… мой муж, Георгий, очень любит своего брата Бо…

– Бо? – Я вопросительно вскинула брови.

– Ну да… его так все зовут… На самом деле он Богдан… Бо младше Гошки почти на десять лет. Ему сейчас двадцать восемь. Мой муж очень любит брата. Мне кажется, даже излишне… как-то слишком болезненно, чуть ли не как сына… Помогает во многом, денег всегда подкидывает, все его беды старается руками развести. Разумеется, Бо этим пользуется… как последняя сволочь…

– Вы не любите Бо?

– Особенно любить мне его не за что. – Марина произнесла это вполне спокойно, и я поняла: ненависти к нему она не испытывает, что тут же и подтвердилось. Покрутив в пальцах зажигалку, женщина продолжила: – Но и раздражения он у меня особого не вызывает. Если я назвала его сволочью, так поделом… пользуется он Гошкой совершенно беспардонно… А вообще наличие Бо меня всегда устраивало. У нас с мужем дети… никак не получаются, а Гоша… он никогда не стремился завести их с какой-то другой женщиной. Думаю, потому, что у него есть тот, кого можно любить по-

отцовски, – младший брат. И вот этого-то Гошкиного брата я вам и предлагаю!

– В каком смысле? – удивилась я.

– Понимаете, мой муж страшно ревнует брата к женщинам, поскольку они вполне могут заместить Гошку в жизни Бо. Нет, только не подумайте чего-нибудь такого… отвратительного… Никакого инцеста… однополой любви… Все совершенно в другой плоскости… Если Бо женится, то будет меньше нуждаться в обществе брата, реже прислушиваться к его мнению, просить совета…

– А самому-то Бо разве не нужны женщины?

– Нужны, конечно, но… жениться он особенно не стремится… подруг меняет в свое удовольствие. И если Гоша раскритикует очередную пассию брата, Бо оставляет ее без всякого сожаления. А мой муж мастер на едкие замечания, убийственные характеристики. Он способен найти изъян в самой идеальной особе и преподать его под таким саркастическим соусом на тарелочке с голубой каемочкой, что остается только удивляться: и как мы с Бо этого не заметили!

Поскольку Марина замолчала, опять вылущивая из сильно похудевшей пачки сигарету, я спросила:

– А, собственно, что вы от меня хотите?

Очередной раз затянувшись и выпустив дым из обеих ноздрей в стиле Змея Горыныча, она ответила:

– Я хочу познакомить вас с братом мужа!

– Зачем?! – Моему удивлению не было предела. – Я за-

му-жем!

– Ну и что?! Я же не призываю вас бросить мужа и выйти замуж за Бо!

– А к чему вы меня призываете?

– Я предлагаю вам просто… развлечься с Бо, влюбить его в себя, чтобы… Гошка оказался в состоянии, очень похожем на мое…

– Но тогда, может быть, лучше вам самой заняться братом мужа? Представьте, как это…

– Нет! – оборвала меня Марина. – У меня не выйдет… Во-первых, с Бо я знакома сто лет, столько же времени, сколько с Гошей, и он для меня… ну не мужчина, что ли… родственник. А во-вторых, и Бо на меня никогда не смотрел заинтересованно. Я жена брата, а это святое…

– Ну… Тогда вы можете просто завести роман с кем-нибудь другим и не скрывать этого от мужа! – предложила я.

Марина горестно вздохнула.

– И это невозможно… Я люблю Георгия… Даже вот сейчас… ненавидя… все же люблю… Не смогу вот так, с ходу, полюбить другого… А если не полюблю, то и страстной быть не сумею. Гошка сразу догадается, что я просто делаю ему назло…

– Раз любите… может, и не стоит мстить… Простите его… и все постепенно наладится…

При этих моих словах Марина опять закаменела. Между бровями резко обозначилась зигзагообразная складка, сразу

придавшая лицу пугающее инфернальное выражение. Нет, при всей своей любви к мужу эта женщина его не простит. Она хочет использовать меня в качестве оружия в той войне с ним, которую собирается развязать. Нашла идиотку! Хотя… конечно, интересно в чем-нибудь таком… нетривиальном… поучаствовать… Ради спортивного интереса… Писательского то есть… Потом можно выдать чуть ли не репортаж с места событий. Правда, я никогда в жизни не обольщала мужчин. Писала об этом – да, но исходя только из теоретических умозаключений, не подтвержденных практикой. Похоже, брезжит возможность проверить теоретические выкладки жизнью. Да, но как же муж? А что муж? Муж, как известно, объелся груш! Где гарантия, что он мне не изменяет, как Маринин Муравей Ламанчский? Кроме того, я вовсе не собираюсь наставлять своему мужчине рога! Я просто поиграю с Бо! Буду приближаться, ускользая, чтобы он совершенно охренел! Ага! Так он и охренеет от тетки под сорок! Ему ж двадцать восемь… Ну и что? Нынешние тетки под сорок – не хуже давешних двадцатипятилетних! Да если мне постричься…

– Не наладится, – угрюмо буркнула Марина, и мне сделалось неловко. У человека драма, а я все о своем, писательском… С другой стороны, эта женщина не собирается лить слезы и посыпаться пеплом. Она намерена отомстить. И если в своей помощи откажу я, она найдет другого человека или другой способ, о котором я уже никогда не узнаю. А если не

узнаю, то и не напишу… Конечно, можно нафантазировать, но это не пойдет ни в какое сравнение с информацией, так сказать, из первых рук.

– Честно говоря, я не хочу, чтобы наладилось, – продолжила Марина. – Я никогда больше не смогу жить с человеком, который спал с другой женщиной.

– Понимаете, для мужчин, как мне кажется, процесс… соития… не имеет такого сакрального значения, как для женщин… – Я все же попыталась примирить Марину с судьбой. – Они могут сильно любить одну, а спать с десятком других… и одновременно… Сами они это называют полигамией и очень гордятся ею.

– А вот за это… за свою полигамию… они все и получат… в лице Георгия!

– То есть вы думаете, что если Бо сильно увлечется, к примеру, мной, то это прямо-таки размажет в слизь вашего мужа?

– Просто я не знаю у него других слабых мест.

– Возможно, ваша идея в своем роде и хороша, но я не подойду в качестве исполнителя, – попыталась подытожить я уже с большой долей сожаления. – Я не смогу выйти замуж за Бо даже фиктивно, а без этого, думаю, месть окажется неполноценной и потому не произведет на Георгия желаемого впечатления.

– Замуж на самом деле вам выходить не придется, а фиктивное свидетельство о браке сейчас достать – раз плюнуть.

Не сложнее, чем диплом о высшем образовании или водительские права.

– Но надо же, чтобы Бо согласился предъявить вашему Гоше фиктивное свидетельство! А зачем ему это?

– Да он не узнает, что мы женим его фиктивно…

Поскольку я не смогла удивиться громогласно, ибо всякие слова застряли у меня в горле, Марина тут же дала разъяснения:

– Моя одноклассница работает в ЗАГСе. Думаю, я договорюсь с ней за определенное вознаграждение. Все, разумеется, только за мой счет!

Я с минуту помолчала, обдумывая ситуацию, и поинтересовалась:

– А что скажет Бо, если на самом деле влюбится и даже сходит со мной под венец, а потом узнает, что венец фальшивый?

– Он будет наказан за всех тех женщин, которых бросил в угоду Георгию! – с сатанинской улыбкой отозвалась сидящая напротив меня женщина.

– Наш ответ Чемберлену? – усмехнулась я.

– Ну… что-то вроде этого, – согласилась Марина, а я с большим сомнением спросила:

– И вы уверены, что Бо в меня влюбится?

Марина с таким пристрастием принялась меня разглядывать, что я, засмущавшись, совершенно утопила подбородок в высоком вороте темно-красного свитера и даже пожале-

ла, что на мне нет капюшона с крашеным песцом, в котором можно было бы скрыть голову полностью. Да разве такие убогие тетки в красных свитерах крупной вязки в состоянии покорить сердце двадцативосьмилетнего Бо? Никогда! Их удел – высасывать любовные истории из пальца, сидючи дома в гнезде из подушек и одеяла. Я уже хотела озвучить эти свои мысли, но Марина поспела с выводами раньше меня:

– Во-первых, вам надо постричься. Во-вторых, переодеться. В-третьих, сделать маникюр.

Я тут же скрючила свои лапки с кургузыми ногтями и патетически воскликнула:

– На накладные ногти не согласна категорически! Не ногти делают женщину женщиной!

– Одобряю ваше заявление! – согласилась со мной Марина. – Женщину женщиной делают юбки и платья! Бо обожает короткие юбки! Вы можете позволить себе мини?

Мне показалось, что женщине очень хочется заглянуть под стол, чтобы осмотреть мои ноги, но то ли она посчитала это дурным тоном, то ли сообразила, что раз я в таком толстом свитере, то, скорее всего, в брюках, под которыми ничего толком не разглядишь, и под стол не полезла. Еще мне очень понравилось, что она не спросила, сколько мне лет. Впрочем, зачем спрашивать… Нам с ней детей Бо не крестить!

– Я все могу себе позволить, – в конце концов отозвалась я. – Только уверенности в том, что Бо на меня поведется,

нет никакой. Кроме того, вы утверждаете, что ваш муж горазд на определенного рода характеристики. Испытывать на себе его остроумие мне что-то не очень хочется… Да и нет желания смотреть, как Бо с Георгием парой потешаются над моим уничижением.

– Вы не поняли! – Марина тут же смешно замахала перед собой обеими руками, как при плавании по-собачьи. – Гошка хорошо воспитан. Джентльмен… в этом смысле… Он ни за что не будет ставить вас в неловкое положение. Богдану о своем впечатлении он обычно говорит потом, тет-а-тет. Ну… и мне тоже… после… Раньше так было… Сейчас я его вовсе не собираюсь слушать…

Я уже совсем было решилась отказаться от этой безумной затеи, когда Марина, словно почувствовав мое состояние, потянулась через стол, схватила меня за руку и горячо заговорила:

– Ну пожалуйста! Соглашайтесь! Умоляю! Неужели вас никогда в жизни мужчины не оскорбляли так, чтобы захотелось отомстить им сразу всем в лице одного типичного представителя?! Мой муж… он же заслуживает… вы не можете этого отрицать… А я со своей стороны для вас сделаю… все… что захотите… Не интересны мои сапфиры, придумаем что-нибудь другое… Я понимаю, что в этом мире за все надо платить! Я заплачу! Чем хотите! Как хотите! Как скажете, в общем…

Я высвободила свою руку из горячих Мариниых ладо-

ней и крепко задумалась. Пожалуй, если посмотреть на ее авантюрный проект в таком контексте, он довольно заманчив. Хочу ли я отомстить кому-нибудь из мужчин? Да! Кому? Во-первых, одному товарищу, который в свое время отказался от меня! После этого я долго не хотела жить… Ему, бросившему меня, было в то время только шестнадцать лет, но… Сами знаете: единожды предавший… единожды солгавший… на этом не остановится, а потому ему стоит наконец расплатиться сразу по всем счетам! Жаль, правда, что в лице Бо… Но что ж делать, если по-другому нельзя…

А еще я хочу отомстить своему мужу, который считает меня безмозглой кропательницей бульварных романов. Да! Он не читал ни одной моей книжки, потому что это, видите ли, не его профиль, потому что у него в мозгу «извилин несколько поболее, чем у поклонников такой литературы»! Он, если хотите знать, вообще стыдится того, что его жена пишет романы «для узколобых домохозяек с половниками», и очень рад, что я делаю это под псевдонимом, то есть его фамилию не позорю! Да! Вот так! Пожалуй, есть смысл принять Маринино предложение. При этом жена муравьиного Дон Кихота будет решать свои задачи, а я свои. И граждане, которые с большим количеством извилин, еще пожалеют, что посмели не принимать нас с Мариной всерьез! Мы с ней срежиссируем такую драму, что мало не покажется! А Рябa вообще подавится своим тиражом! Вы думаете, что не знаете Рябу? Знаете! Ее знает вся страна! Абсолютно все на-

селение, вышедшее из младенческого возраста! Даже те, кто и хотел бы не знать, как, например, мой интеллектуальный муж, тем не менее без запинки произнесут ее имя и фамилию: Ольга Рябышева. Ага! Вы ее тоже, конечно, знаете, даже если вдруг ее нетленку никогда не читали! Псевдоним ей выдали, видимо, тоже в те времена, когда издатели полагали, что прибыль им смогут принести только тетки с русскими фамилиями. С Рябышевой они не прогадали. Она приносит! Анастасия Кузнецова (то есть я) тоже приносила бы, если б ее (то есть моя) физиономия украшала бы даже тарелочки для денег в супермаркетах, как Ольгина. Я тоже могла бы рекламировать стиральный порошок, вести свою колонку в глянцевом журнале «Для милых дам» и восседать в жюри телевизионного шоу «Горячий лед». Только никто меня никуда не приглашает! А я бы там хорошо смотрелась! Даже на накладные ногти для такого дела можно было согласиться! Все остальное у меня в полном порядке! Да! Меня всего-то и надо: постричь, переодеть и как следует накрасить!

– Хорошо! Согласна! – выдала я Марине, похоже, тогда, когда она уже совсем отчаялась услышать от меня положительный ответ. Еще бы! Она ж не знала, что у меня в ее деле появился шкурный интерес. Эта женщина не могла и подумать, что я в ответ на ее предложение страстно возжелаю не столько отомстить собственному мужу и всем тем, кто считает меня пишущей желтый примитив на потребу толпы, сколько перекроить по своему хотению ту действительность,

хозяевами которой они себя ощущают. Говорят ведь – слово материально. Просто слово. Проверим, до какой же степени материальна изощренная писательская мысль, насколько способна она пронзить чужое сознание, внедриться в него, расщепить, расплющить и вывернуть наизнанку. А потом я напишу об этом роман! Настоящий бестселлер!

Вообще-то у меня уже есть одна книжка, в которой главная героиня, писательница кровавых детективов, манипулирует людьми. Она создавала определенные декорации, в которые помещала собственного сына с какой-нибудь женщиной, и описывала их романы, заканчивающиеся для наивных дурочек, как правило, смертельным исходом. Я не маньячка. Мне не нужны ничьи смерти. Я не буду строить ловушки и заманивать туда свои жертвы. Хотя бы потому, что это дорогостоящие проекты, а размеры моих гонораров таковы, что их гораздо вернее считать всего лишь материальным вспомоществованием. Я буду полагаться только на собственный интеллект, и еще на писательскую фантазию. Бо, Георгий, Марина, Злата – это герои моего нового романа. У них пока есть только имена и некоторые штришки биографии. Все, кроме Бо, уже имеют определенную внешность. С нею и шагнут на страницы моего произведения. Напоминаю, что завязка романа задана не мной, а обманутой женой по имени Марина. Я пока не столько автор, сколько всего лишь действующее лицо. Но лицо с большой фантазией! Посмотрим, куда она заведет!

Глава 1

Да, начну, пожалуй, первую главу. Ее действующие лица? Для начала я и мой муж.

Я постриглась. Конечно, стрижка изменила меня не кардинально, но все же внесла во внешность новый, стильный, штрих. Мой мужчина этого не заметил. Я для него такой же привычный предмет интерьера, как мебельная стенка. Когда я для разнообразия зрительных впечатлений переставляю внутри серванта чашки и фужеры, в застекленном книжном шкафу – книги и альбомы, а на нескольких декоративных полочках – милую моему сердцу мелочевку, он тоже ничего не замечает. Все вещи нашего дома, видимо, сливаются в его мозгу в общую картину удобного, уютного благополучия, детали которого абсолютно неинтересны. Одной деталью больше, одной меньше, суть от этого не изменится. Я, похоже, тоже деталь. Интересно, насколько незаменимая? Или муж давно находит мне замену за пределами мирка нашей квартиры, как Маринин Георгий? Сюда возвращается только потому, что любовнице еще тянуться и тянуться до жены в плане обслуживания мужчины. Я пишу романы с самого утра, а перед приходом мужа с работы успеваю разорить свой подушечно-одеяльный кокон, убрать постельное белье в диван и приготовить еду. Да! У моего мужчины всегда есть еда. Так у нас заведено. А если взять да и не при-

готовить ему эту чертову жратву? Может, тогда он заметит, что у меня новая стрижка?

Впрочем, время для изменения его сознания еще не пришло. Хотя… возможно, что сознание моего мужа никакому изменению не подлежит… Навеки застывший монолит. Я хотела его расщепить и расплющить… Пока только меня здорово плющит с досады…

Брата Георгия я увижу сегодня после обеда. Я не расспрашивала Марину, как, что и где. Так интереснее. Авантюра – так уж авантюра! Мы договорились встретиться у здания нашего драматического театра в 15.00. Тогда я все узнаю и получу инструкции. Возможно, выдвину встречные предложения. Пока пусть все развивается спонтанно, естественно, а после знакомства я определю, на какую колею лучше свернуть.

Если бы Бо в качестве главного героя романа придумала я сама, то он обязательно был бы высоким, поджарым, спортивного типа брюнетом. Впрочем, раз он брат смуглолицего муравья, то именно брюнета я и получу. Кареглазого. Только очень не хотелось бы, чтоб он имел такие же впалые щеки, как Георгий. Щеки, они для чего? Чтобы их целовать… А как такие целовать? Хотя… моему мужу, например, не нравится, когда я целую его щеки. Он утверждает, что так целуются только товарищи по партии. Но, может быть, не у всех подобные ассоциации?

Выходит, я собираюсь целовать Бо? А разве нет? Скорее

всего – да, раз хочу влюбить его в себя. А я именно этого хочу? А может быть, я гораздо больше хочу, чтобы мой муж влюбился в меня заново? А разве это может произойти, если я буду целовать Бо? Надо же, как много повторяющихся союзов «а» в одном абзаце… Корректор обязательно возьмется убирать их, и не факт, что при этом не насажает своих ошибок!

В общем, так! Я буду действовать, как решила, а потому оглядываться на мужа не стану. Пусть все течет своим чередом! Вот сейчас, например, пришел черед тому, чтобы подумать, что надеть на первое свидание с Бо. Марина сказала, лучше всего прийти в платье или юбке. Платьев, к сожалению, у меня нет вообще. Есть один костюм. Цвета мокрого асфальта с искрой. Неплохой, но пиджак слишком открывает грудь. Блузки к нему не подходят, а оголяться в ноябре как-то не того… А может, как раз и того? Я ж буду оголяться не беспредметно, а для Бо. У меня есть крупный серебряный кулон, который очень красиво ложится в ложбинку на груди. Бо это должно понравиться. Пойти, что ли, померить…

Да, костюмчик, что называется, сидит! И ноги открывает, и грудь. И кулон уместен. Только вот… сверху придется надевать крашеного песца… Какой кошмар… Этот пуховик предназначен для ношения с брюками, он, наверное, почти такой же длины, как юбка… Нет, он точно такой же длины! О ужас! В этом пуховике с песцом, вальяжно разлегшимся на плечах, я выгляжу, как черный бочонок на тонких нож-

ках! Пожалуй, Бо стыдливо отведет глаза, и мой роман с ним закончится, не начавшись. И что же делать? Что? Чтобы решить этот вопрос мне осталось… четыре часа… Пожалуй, надо вылезать из подушек с одеялом и мчаться в первый же попавшийся магазин!

Первым мне попался магазин немецкой одежды «Фрау Марта». Надо сказать, я недолюбливаю немцев. Видимо срабатывает что-то вроде генетической памяти. Но в этот день мне было не до претензий к нации, породившей Адольфа Гитлера. Тем более что магазин обслуживали нашенские, русские девчонки, а вовсе не солдаты вермахта.

Вы даже не представляете, какую замечательную вещь я себе там отхватила. Без крашеного песца! Но все же опять черного цвета. Да! Другой я почему-то не переношу. Мне всячески совали пальтецо из небесно-голубого драпа, накидку из тонкого фетра цвета малины со сливками и горчичный тренч, но я была неколебима. Я сразу ухватилась за мягкое черное пальто колоколом, драпирующееся красивыми уютными складками. Оно имело маленький воротничок стойкой, который очень удобно обматывать шарфом, что был тут же и выбран. Нет, не черный! Шарф я приглядела себе в красно-белую клетку, но… да-да… вы правы… с непременным вкраплением черного. Ну очень стильно! Правда, тут же выяснилось, что к этому наряду совершенно не подходят ни мои шнурованные ботинки, ни крупная кошелка из кожзама,

висящая у меня на локте. Пришлось разориться на сапоги на шпильках и изящную итальянскую сумку. Короче говоря, я ухнула все деньги, что были у нас с мужем отложены на новую сантехнику. Что ж! Новую стрижку мой муж не заметил. Обратить внимание на мой новый осенний прикид ему придется! А новой сантехники мужу еще долго не видать!

Дома я как следует раскрасила лицо, чего давно уже не делала. А зачем? Мужу безразлично, как я выгляжу, другие мужчины до сегодняшнего дня меня почему-то не интересовали. Сейчас из зеркала на меня смотрела весьма интересная особа с густыми стрельчатыми ресницами и ярко-алыми губами под цвет клеток нового шарфа. Клянусь, она, эта особа, была хороша! Бо обязательно поведется на такие губы!

Я была права. На губы Бо клюнул сразу. Я видела, что его взгляд, ненадолго задержавшись на моих ресницах, просто прилип к губам. Хорошую помаду я купила! Ее и Марина сразу похвалила. Надо сказать, что поначалу она меня вообще не узнала. Прошла мимо. А когда я ее окликнула, новая знакомая даже присвистнула от изумления. Я изобразила на лице выражение типа: «Я еще и не так могу! Было бы для чего!»

– Норма-а-а-ально, – протянула Марина, оглядывая меня сверху донизу. – Бо вы понравитесь! Без всякого сомнения! Знаете, я ничего не стану рассказывать о нем, чтобы у вас была возможность расспрашивать Богдана самым естествен-

ным образом. Мы сейчас с вами пройдем во-он в тот кафетерий. Называется «Полет». Я пригласила туда Бо, чтобы передать ему искусствоведческие журналы, которые давно обещала. Из вежливости он, конечно же, посидит с нами немного. Я вас познакомлю… – Тут женщина, несколько смутившись, задала вполне законный вопрос: – Кстати, а как вас зовут?

– Анастасия, – ответила я.

– Ага… Хорошее имя… Классическое. Вы уж не теряйтесь, Анастасия, когда Бо подсядет за наш столик.

Я утвердительно кивнула.

Как вы, наверно, поняли, мое поведение не могло изменить уже ничего. Я понравилась Бо сразу и бесповоротно. Любая женщина всегда правильно классифицирует первый мужской взгляд. Взгляд Бо был восхищенным. Конечно же, молодой мужчина присел за наш столик. Пока они разговаривали с Мариной, я осторожно рассматривала Богдана. Пожалуй, он был бы полностью в моем вкусе, если б не слишком тонкие губы, почти как у Георгия. Мне нравятся более пухлые, чувственные. Но все остальное во внешности брата муравьиного Дон Кихота меня в общем устраивало. В особенности то, что его щеки даже не собирались целоваться друг с другом изнутри. Богдан был, как я и хотела, высоким, стройным, в меру широкоплечим. С темными волосами почти до плеч. Ныне более в моде короткие мужские стрижки, но Богдану шла его буйная грива.

Сунув брату мужа в руки пакет, в котором лежали обещанные журналы, Марина вдруг посмотрела на часы, присвистнула почти так же лихо, как при виде меня в новом пальто, и моментально умчалась, будто бы по делу. Я обескураженно уставилась на Бо. Мне казалось, что мы еще недостаточно хорошо с ним познакомились, чтобы Марина могла вот так запросто оставить нас вдвоем. Но она оставила, и мне пришлось судорожно придумывать, что бы умного изречь. Ничего стоящего в голову не шло, а потому я решила тоже вежливо откланяться, посчитав этот вариант поведения беспроигрышным: Бо, конечно же, начнет меня задерживать, тут-то диалог и пойдет. Но он пошел без моего начинания.

– Ну вот, Маришка исчезла, – изрек истину Бо и тут же продолжил: – А потому развлекать вас придется мне.

– Валяйте, – согласилась я и с радостью выпустила инициативу из своих рук.

– Поскольку мы только познакомились, хотелось бы узнать, чем вы занимаетесь… – начал он.

Понятно, что назвать свою настоящую профессию я не могла, а потому с ходу брякнула:

– Преподаю русский язык в… колледже… – И тут же перевела разговор на него: – А вы кто по профессии?

– Я вообще-то художник… Сейчас можно сказать, что свободный… абсолютно… Когда-то работал в дизайнерской фирме, но потом надоело ляпать сомнительного сорта рекламу и я решил работать дома… на себя…

– Рекламщик-надомник? – Я постаралась красиво улыбнуться своими алыми губами.

– Нет. Я занимаюсь станковой живописью, – ответил он. – Пишу, стало быть, маслом…

– И в какой же манере?

– А хотите посмотреть?

При этих словах Бо так глубоко заглянул в мою душу прямо через глаза с капитально накрашенными ресницами, что я испугалась, как бы он там чего лишнего не обнаружил, и поспешно спросила:

– А что, можно?

– Да почему же нет?! – отозвался он так радостно, что стало ясно: от просмотра его живописи мне уже не отвертеться.

И я, решив не тратить время впустую, сразу согласилась поехать к Богдану в мастерскую, которую он делил с другом-художником. Или мы не взрослые люди? К чему нам тягомотина конфетно-букетного периода? Мужчины всегда готовы этот период пропустить, а у меня роман на первой главе завяз – пора подпитываться новыми впечатлениями!

Мастерская Бо находилась не где-нибудь, а в самом центре нашего города, на Пролетарском проспекте. Власти однажды объявили конкурс на новое название главной магистрали. Победителем признали вариант «Проспект Единения и Согласия». Длинную табличку с новым названием пристроили на одном из домов в начале улицы, на остальные зда-

ния то ли сил не хватило, то ли денег пожалели. Таким образом, только жильцы одного дома оказались прописанными на проспекте Единения и Согласия, а прочие так и продолжали жить на Пролетарском.

Дом, где находилась мастерская Бо, имел в качестве последнего этажа длинную застекленную мансарду во французском стиле. В советские времена там располагалась редакция газеты «Красный комсомолец», которую в перестройку упразднили, а ее помещения стали сдавать внаем художникам. Именно в мансарду меня и привел Бо. Я надеялась обнаружить там его приятеля, в рембрандтовском берете, пишущего что-нибудь бессмертно-классическое на огромном полотне. Почему? Да потому что в присутствии постороннего брат Георгия не сможет сразу начать откровенно ко мне приставать. Хоть я внутренне уже настроилась на отсутствие конфетно-букетного периода, кое-какая вина перед мужем меня все же мучила, и поэтому хотелось всячески оттянуть сакральный момент соития с чужим мужчиной.

В мастерской не обнаружилось никого ни в берете, ни без оного. Это было довольно большое, светлое помещение, захламленное всякого рода рамами, холстами, натюрмортными постановками с превратившимися в сено букетами и мумифицировавшимися плодами, идентифицировать которые уже вряд ли бы кто-то смог. Грубо сколоченный из небрежно оструганных досок длинный стол оказался заставлен разнокалиберными банками, бутылками с олифой и лаком, со-

судами, щетинившимися кистями во все стороны. Тюбики, полные красок, а также пустые, раздавленные и увечные инвалиды, валялись везде: на этом же столе, на полу, на полках с покрытыми махровой пылью гипсами.

Самыми милыми в этой обители свободных художников мне показались бумажные ангелы, спускающиеся на ниточках с огромного светильника, представляющего собой пластиковое колесо со встроенными в него лампочками. У ангелов были с большим тщанием вырезанные детские ступни с круглыми пяточками и крохотными пальчиками. Каждый малыш держал в руках что-то вроде трубы или дудки, на которых они, наверно, обычно наяривают в своем беспорочном раю.

На стенах в полном беспорядке, вкривь и вкось, висели разнокалиберные картины, а возле окон стояло несколько мольбертов. На одном, самом крупном и тяжелом, находилась картина, которую я тут же отправилась смотреть. Она мне понравилась сразу, с первого взгляда, хотя я и не поняла, что там изображено. Но я давно уже догадалась, что нет смысла искать в картинах то, что задело тебя за живое или, как сейчас говорят, торкнуло. Ты сразу или совпадаешь с картиной, или нет, и все это происходит на уровне самых тонких вибраций. Если вибрируешь в унисон с полотном, то все – ты его вечный поклонник и раб, а изображено на нем может быть что угодно, от черного квадрата до многофигурной батальной композиции.

Этот холст казался золотым и светился всеми пятнами и загогулинами, которыми был покрыт в таком же хаотическом беспорядке, в каком хозяева мастерской развешивали по стенам свои произведения. От него шел свет и тепло. Я почувствовала, что губы мои сами собой растянулись в самой счастливой улыбке.

– Нравится? – услышала я голос Бо и почувствовала, как он весь напрягся в ожидании ответа.

– Еще как… – только и смогла прошептать я.

– Ну вот чем?! – Бо так резко выплюнул из себя этот вопрос, что я сразу поняла: картина не его.

Ответ мой был честен:

– Не знаю.

– Но так же не бывает! Если уж нравится, то по какой-то причине! В этой картине нет ни смысла, ни сюжета, ни… да вообще ничего нет! Я никак не могу понять, зачем надо было малевать эти колбасы… – Бо ткнул пальцем в скопление удлиненных светящихся пятен, – …на таком огромном полотне. Честное слово, хватило бы и альбомного листа!

– Не скажите… – возразила я к его огромному неудовольствию. – Если эту картину выставить в каком-нибудь павильоне, то даже на расстоянии двух метров от нее все люди почувствуют себя счастливыми!

– Да? И почему же?! Объясни ты мне! Я вот нахожусь около нее на расстоянии вытянутой руки и никакого счастья не ощущаю! – Бо всплеснул руками, приподняв их почти до го-

ловы, потом развел в стороны и, как ненужные, бросил вниз. Наверно, если б он был дирижером оркестра, то именно так закончил бы финальную часть какой-нибудь патетической симфонии. Кстати, мой новый знакомый совершенно естественно перешел на «ты», и я решила в этой естественности ему не уступать:

– Ты ничего не ощущаешь, потому что завидуешь своему другу, не так ли?

– Ну да! Да! Не стану отпираться. Я действительно завидую Вадьке, потому что все просто стонут от его картин, в которых я ничего… – он опять очень выразительно помахал растопыренной пятерней правой руки перед глазами, будто пытаясь развеять пелену, которая не позволяет ему как следует разглядеть творение друга, – …ты понимаешь, ничего не вижу. Какие-то колобки, колбасы, загогулины… Мазня, одним словом, а все от нее просто торчат! Ты даже не представляешь, сколько он зарабатывает своими картинами! А как он их пишет! Как пишет! Ты сейчас здорово удивишься…

Бо схватил меня за руку и потащил в угол мастерской, который был занавешен розоватой тряпкой с тусклыми желтыми кистями, очень смахивающей на полотнище насквозь пропылившегося знамени. Как тут же выяснилось, это и было сильно выгоревшее переходящее красное знамя победителя социалистического соревнования, которое досталось художникам в наследство от почившей в горниле перестрой-

ки газеты «Красный комсомолец». Когда это знамя оказалось отдернуто в сторону, моему взору предстало ложе, заваленное желтыми лежалыми тряпками и весьма потертыми подушками в наволочках из парчи, которая когда-то была, возможно, даже золотой, а сейчас наверняка эти подушки царапались и кололись металлизированными нитями, как старые железные мочалки для посуды.

Я не успела еще произнести и слова, как Бо начал мне все объяснять.

– На этом кошмарном диване еще вчера возлежала обнаженная модель рубенсовских форм, с которой Вадька делал наброски вот к той… – он резко выбросил руку в сторону полотна на мольберте, – картине, которая, между прочим, называется «Одалиска». Ты заметила там какую-нибудь одалиску?

Я отрицательно покачала головой.

– Вот! – Бо поднял вверх указательный палец все той же правой руки, которой, видимо, как у всех правшей, выразительные жесты удавались куда лучше, чем левой. – И я не вижу. Скажи на милость, зачем делать такие… этюды… – Он повернул лицом ко мне несколько картонов, прислоненных к стене. На них мастерски была изображена очень полная обнаженная женщина, лежащая на парчовых подушках в весьма непринужденной позе. Я тут же отдала должное Вадьке: он оказался превосходным рисовальщиком. Даже на незаконченных эскизах ключом била жизнь, от них за вер-

сту несло сексом, который художник наверняка имел со своей моделью, что ему, естественно, никто не ставит в вину. – Ведь на самой картине, к которой эти этюды делались, вообще нет никакой женщины?!

Я в раздумье закусила губу и тут же отправилась к мольберту, чтобы еще раз взглянуть на скопление золотистых пятен, в которые Бо несколько минут назад тыкал пальцем. Но мне не надо было уже рассматривать именно пятна. Передо мной из их хаоса в некой дымке вдруг возникли божественные женские формы, и я даже пожалела о том, что после обжираловки в «Осеннем блюзе» уже вторую неделю сидела на строгой диете, поскольку любимые джинсы стали мне неприлично тесны. Вот такой должна быть настоящая женщина, хоть одалиска, хоть писательница, хоть кто… Долой унисекс!

Во время моего последнего внутреннего восклицания к мольберту как раз подтянулся Бо и принялся опять тыкать в картину пальцами, назойливо повторяя:

– Ну и где тут одалиска? Где она? Где?

– Да вот же она… – размягченным от удовольствия голосом проговорила я.

Бо с большой тревогой посмотрел сначала на меня, как на неожиданно тронувшуюся умом, потом – с неприязнью на раздражающую его картину, затем опять взглянул на мое по-дурацки восторженное лицо, а после прямо-таки впился взглядом в золотистый рай, сотворенный Вадькой, и надолго затих. Я уже совсем было собралась пойти пока полюбо-

ваться другими картинами, развешанными на стенах, когда Богдан наконец оторвался от полотна друга и прошептал:

– А я ведь тоже увидел… Ни фига себе…

– Вот от этого «ни фига» народ и балдеет, – отозвалась я.

– Да как же я раньше… – он не договорил, но и так было понятно, что ему хотелось сказать.

– Просто ты не желал видеть.

– Да, наверно…

Лицо моего знакомого сделалось таким несчастным, таким по-детски огорченным, что мне очень захотелось взять Бо на ручки и покачать под колыбельную песенку. И я подумала, что вряд ли смогу полюбить его. Он для меня навсегда останется таким вот огорченным мальчиком, над которым надо вечно расправлять крылья. Мне же нужен не мальчик, но муж. Желательно – не мой.

Я повернулась к картинам на стенах и спросила:

– А эти твои? Стиль вроде не Вадькин…

– Да он может в разных стилях… каких хочешь… – Он произнес это с такой тоской в голосе, что мне пришлось по-матерински обнять Бо за талию и сказать самые простые слова:

– Не огорчайся! Давай посмотрим твои картины!

– Давай, – тут же согласился он.

Мне показалось, что Бо и сам уже принял меня как старшего товарища, который в нужный момент всегда готов подставить плечо, а полюбить как женщину, возможно, и не за-

хочет. Недостатка в женщинах он не имеет, а отсутствие истинных друзей чувствует. Все-таки я на самом деле настоящий инженер человеческих душ! Мой муж, которому изменить сегодня явно не удастся, выходит, прав даже в своем сарказме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.